

Н. С. ПОСПЕЛОВ

**О СТРУКТУРЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ
УНИВЕРСИТЕТОВ И ПОДГОТОВКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КАДРОВ
В ОБЛАСТИ РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

Советское языкознание, раскрепощенное от пут «теории» Марра, призвано, по указанию И. В. Сталина, «занять первое место в мировом языкознании». Осуществление этой грандиозной задачи требует не только максимальных творческих усилий со стороны немногочисленных наличных кадров советских языковедов, но и мощного притока новых, свежих лингвистических сил. Для этого необходимо, прежде всего, правильное разрешение вопроса о наиболее рациональных и актуальных способах подготовки языковедческих кадров на филологических факультетах государственных университетов и факультетах языка и литературы педагогических институтов. Разрешение этого вопроса обусловлено, в свою очередь, правильным решением вопроса о существе высшего филологического образования, о структуре филологических факультетов, об общем учебном плане преподавания лингвистических и литературоведческих дисциплин. Все более или менее сходится в установлении объема собственно филологического образования, ограничивая его изучением языка и литературы. Но необходимо при этом подчеркнуть, что подлинно филологическое изучение языка и литературы может быть только «историческим», неразрывно связанным с историей народа, которому принадлежат изучаемые филологическими науками язык и литература. Однако изучение истории, как особой научной дисциплины, выходит за пределы филологии в собственном смысле этого слова, хотя, конечно, изучение истории, как вспомогательной дисциплины, необходимо для студентов-филологов.

Как в системе филологического образования сочетать параллельное научное изучение языка и литературы, как обеспечить хорошо подготовленными кадрами и лингвистические специальности — это и по сей час остается задачей, очень далекой от своего теоретического разрешения и практического осуществления. Чтобы в этом убедиться, достаточно будет сослаться на опыт любого из государственных университетов и прежде всего на опыт Московского университета. Старейший университет Союза, носящий имя великого Ломоносова, Московский университет в настоящее время выпускает ничтожное количество лингвистов. Общее количество дипломных работ по лингвистике из года в год не растет, а сокращается.

Несмотря на очевидный подъем интереса студенчества филологического факультета к лингвистическим проблемам (о чем, например, свидетельствует работа лингвистической секции научно-студенческого общества), студенты филологического факультета, в своем подавляющем большин-

стве, предпочитают специализироваться не по языкознанию, а по литературоведению. Несмотря на наличие опытных руководителей на языковедческих кафедрах факультета и разветвленной сети спецсеминариев и специальных курсов, только очень немногие студенты отваживаются идти в лингвисты. Отчего это происходит? По нашему мнению, главная причина вопиющего недобора лингвистов на филологическом факультете Московского университета коренится в неправильной структуре филологических факультетов и неправильном построении учебного плана в отношении подготовки лингвистических кадров.

По существовавшему до 1951—1952 гг. учебному плану студенты филологического факультета только на третьем курсе начинали слушать курс современного русского языка, т. е. научно разбираться в структуре того языка, на котором они говорят и думают и научное познание которого прежде всего привлекает в университет будущих лингвистов. Ведь еще в нынешнем году по переходному учебному плану огромный состав третьего курса впервые приступает к слушанию научного курса современного русского языка. Правда, на первом году университетского обучения все студенты русских отделений слушают «Введение в языкознание» и «Старославянский язык». Курс «Введение в языкознание», конечно, дает студентам широкую ориентацию в основных вопросах языкознания. Однако этот курс вовсе не ставит себе задачей научный анализ системы того или другого конкретного языка. А погружение в сложную фонетику и технические трудности старославянского языка может привлечь только относительно немногих студентов, еще до поступления в университет получивших вкус к изучению истории языка. Небольшая горсточка будущих студентов-русистов обычно выделяется в процессе изучения русской диалектологии и прохождения полевой диалектологической практики. Но изучение диалектологии студентами, не слушавшими курса современного русского языка, неизбежно получает теоретически суженный, узко практический характер. Правда, кафедрой русского языка Московского университета уже в течение двух лет проводятся семинария по грамматике современного русского языка для студентов второго курса. Руководители этих семинариев в своих отчетах свидетельствуют о глубоком интересе участников этих семинариев к проблемам грамматики и к лингвистическому анализу языкового материала. Но проведение этих семинариев встречает большие трудности, вследствие отсутствия у студентов, не слушавших научного курса современного русского языка, теоретической подготовки и фактических знаний. Вполне естественно, что и специальные семинарии третьего и четвертого курсов по русскому языку оказываются художесными, часто «карликовыми», так как к третьему курсу подавляющее большинство студентов русского отделения «уходит» в литературоведение. И это объясняется не только господствующим положением литературоведения в современной университетской системе филологического образования, но и спецификой художественной литературы и языка как предметов научного исследования.

После опубликования гениальных трудов И. В. Сталина по языкознанию мы уже не можем ни в теоретическом, ни в педагогически-практическом плане рассматривать язык и литературу как общественные явления одного порядка, стоящие на одной линии. Литература — явление надстроечного порядка, это форма общественной идеологии. Язык не является идеологической надстройкой и развивается по своим собственным внутренним законам. Но ведь именно общенародный язык и его изучение является естественной базой филологического образования; в противном случае изучение литературы окажется (как часто порой и оказывается) делом

поверхностным и малопродуктивным. Ведь «национальный язык есть форма национальной культуры» и литература может рассматриваться только как одно из высших ее проявлений, осуществимых только средствами национального языка. Поэтому, как разъясняет акад. В. В. Виноградов, «в художественной литературе общенародный, национальный язык, со всем богатством и разнообразием своего словарного состава, используется как средство и как форма художественного творчества» и «все элементы, все качества общенародного языка, в том числе и его грамматический строй, его словарь, система его значений, его семантика... служат средством художественно-обобщенного типизированного воспроизведения и освещения общественной действительности»¹. С другой стороны, языкознание и литературоведение имеют общее в самом первичном объекте своего научного изучения. Ведь основным предметом изучения и лексикологии, и морфологии, и даже синтаксиса является слово, которое оказывается в то же время и «первоэлементом» литературы. Языкознание изучает слово во всем многообразии его лексических значений, морфологических изменений и синтаксических сочетаний, как средство построения предложений в речи, и, наконец, в его грамматическом значении, которое абстрагируется от частного и конкретного, как то «общее, что лежит в основе изменений слов и сочетания слов в предложениях». Художественная литература использует и применяет слова общенародного языка во всей многокрасочности их индивидуальных значений, создавая из слов и предложений художественные произведения, как мощные средства идеологического воздействия на широкие массы. И поэтому глубокое научное изучение исторических основ и внутреннего развития языка должно быть фундаментом филологического образования.

Для будущих языковедов-русистов и квалифицированных преподавателей русского языка изучение современного русского языка должно стоять в центре всего их обучения. Совершенно прав акад. В. В. Виноградов, подчеркивая, что «центральным предметом русского языковедческого цикла является курс современного русского языка», что он «должен служить естественной, твердой базой для более глубокого, действительного освоения других дисциплин русского языковедческого цикла», что «от этого курса, как от центра, как от солнца системы лингвистического обучения, должны идти излучения по радиусам во все стороны — в сторону старославянского языка и исторической грамматики русского языка, в сторону русской диалектологии и в сторону истории русского литературного языка»². Последовательное проведение принципа историзма в изучении русского языка, как и любого другого конкретного языка, возможно только на основе внимательного изучения современного состояния языка; только путем анализа современного языка с его сложившимся в течение веков, устойчивым и в то же время закономерно развивающимся грамматическим строем и основным словарным фондом возможно перейти к уяснению основных периодов в историческом развитии языка, его фонетики, лексики, грамматического строя. Наконец, плодотворное изучение лексики, фонетики и грамматики любого языка, изучаемого студентами, говорящими и думающими на русском языке, невозможно без освательного, не только практического, но и теоретического усвоения лексики, фонетики и грамматики современного русского языка. Вот почему вместе с курсом «Введение в языкозна-

¹ В. В. Виноградов, Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и развитие советской науки о языке, Изд-во «Правда», М., 1951, стр. 25.

² В. В. Виноградов, Содержание и задачи курсов по языковедческим дисциплинам в свете работ И. В. Сталина по языкознанию, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», Изд-во МГУ, 1950, стр. 190.

ние» этот курс должен быть для всех отделений филологического факультета курсом не вспомогательного, а основного значения. На первом году университетского обучения студенты всех отделений филологического факультета должны слушать полноценный научный курс современного русского языка, активно участвовать в развернутых практических занятиях по этому курсу и завершать свое изучение русского языка курсовой работой по лексике, грамматике или фонетике современного русского языка.

Однако для решительного подъема филологического образования еще недостаточно положить в его основу общую теорию языкознания и изучение научного курса современного русского языка. Чтобы обеспечить в системе филологического образования глубокое и основательное изучение общего языкознания, родного языка и каждого отдельного языка как предмета научной специальности, необходимо в корне изменить самую структуру филологических факультетов.

Основным пороком структуры филологических факультетов является то, что она не обеспечивает рациональной подготовки ни лингвистов, ни литературоведов. Научный профиль отделений филологического факультета оказывается в настоящее время очень неопределенным. Например, в Московском университете, кроме имеющего особые задачи отделения журналистики, существует шесть отделений: отделение русского языка и литературы, отделение логики, психологии и русского языка, славянское отделение, романо-германское отделение, классическое и восточное отделения. Можно подумать, что филологический факультет усиленно занимается подготовкой научных работников и квалифицированных преподавателей по русскому языку, так как два крупнейших по составу отделения заняты такой подготовкой. Но, как показывают статистические данные, отделения русского языка и литературы готовит преимущественно литературоведов и преподавателей русской литературы по трем профилям: литературы XIX в., советской литературы и фольклора. И только небольшая кучка студентов этого отделения по собственному почину специализируется по русскому языку. Отделение логики, психологии и русского языка готовит главным образом психологов и является своеобразной колонией философского факультета. Славянское и восточное отделения колеблются между языком и литературой, отдавая предпочтение то одному, то другому научному профилю. Романо-германское отделение представляет собой целый конгломерат научных специальностей, объединяя будущих, пока крайне немногочисленных, специалистов английского, немецкого, французского и испанского языков с литературоведами, изучающими английскую, американскую, немецкую, французскую литературу. Таким образом, в Московском университете ни одно из отделений филологического факультета не имеет строго определенного научного профиля. В структуре филологического факультета Ленинградского университета наблюдается еще большая пестрота и неопределенность. Там имеется 17 отделений на филологическом факультете и, кроме этого, два особые факультета с филологическим уклоном: восточный факультет и факультет народов севера. При этом наряду с крупными отделениями: русского языка и литературы, логики, психологии и русского языка, журналистики, переводческим — неопределенными по своему научному профилю — существует около десятка мелких отделений: английское, итальянское, испанское, норвежское, датское, французское, шведское, классическое и кавказское — тоже не разграничивающих изучение языка и изучение литературы. От неопределенности научного профиля отделений, несомненно, страдает организация подготовки специалистов-филологов — и лингвистов и литературоведов, и особенно страдает от этого

подготовка лингвистов, которые в настоящее время являются едва ли не самыми дефицитными научными кадрами.

Совершенно прав проф. А. С. Чикобава, утверждая, что «в целях подготовки специалистов-языковедов следовало бы на филологических факультетах ряда университетов создать лингвистические отделения с соответствующим учебным планом»³. Но и этого недостаточно. Действительным выходом из создавшегося ненормального положения может быть только новая структура филологических факультетов, соответствующая делению ученых советов на лингвистическую и литературоведческую секции, т. е. отчетливое разграничение отделений филологических факультетов по реальным научным профилям. Там, где в пределах единой научной специальности филолога еще не разграничиваются отчетливо язык и литература, как, например, в области китайской, японской, иранской, арабской филологии, необходимо организовать отделения общефилологического характера. Поэтому восточное отделение в Московском университете в настоящее время было бы целесообразно разбивать на два отделения — восточных языков и восточных литератур. Но в тех случаях, когда дифференцированное научное изучение тех или иных языков или тех или иных литератур получает общесоюзное или общереспубликанское значение, необходимо выделять лингвистические и литературоведческие отделения.

Таким образом, в дальнейшем могли бы быть выделены в отдельных университетах отделения русского языка, а также украинского и белорусского языков, южно-и западнославянских языков, германских языков, романских языков, финно-угорских языков, языков народов севера, кавказских языков. В ближайшие же годы не только в периферийных, но и в центральных университетах Союза было бы более целесообразно, под общим методологическим руководством кафедры общего языкознания и при участии кафедры сравнительного индоевропейского языкознания, объединить все языковедческие кафедры — например, кафедры русского и других славянских языков, кафедры романского и германского языкознания, кафедры финно-угорского языкознания, кафедры армянского и грузинского языков, а также кафедры древних классических языков (санскрита, греческого и латинского языков). Точно так же под общим методологическим руководством кафедры теории литературы могли бы быть объединены все кафедры литературоведческого цикла с выделением в их составе кафедры славянских литератур и кафедры древнегреческой и римской литературы.

В университетах национальных республик и областей, естественно, структура филологических факультетов должна быть иной: там основными отделениями оказываются отделение местной национальной филологии и отделение русского языка и литературы; однако и там необходимо стремиться к отчетливому разграничению внутри отделений двух циклов: языкознания и литературоведения — и постепенно переходить к структуре отделений по основным научным профилям будущих специалистов-филологов.

Отделения филологического факультета в университетах, как и любого другого факультета, должны быть прежде всего направляющими центрами научной и научно-педагогической работы, а не только учебно-административными членами факультета, возникшими по тем или иным основаниям. Во главе каждого отделения должна стоять научная секция ученого совета — лингвистическая, литературоведческая и в виде

³ А р н. Ч и к о б а в а, Новый путь советского языкознания, «Большевик», М., 1951, № 12, стр. 37.

исключения общемофилологическая (например, восточная секция или секция определенной национальной филологии). В отличие от кафедр, возглавляющих научную и педагогическую работу по той или иной научной специальности, отделения представляют ведущие научные профили факультета, а секции — его основные научные коллективы. Разработка общих вопросов языкознания на основе сталинского учения о языке, сравнительный анализ родственных языков, историческое изучение отдельных языков и внутренних законов их развития и составляют тот широкий, но вполне определенный, твердый научный профиль, в определяющих границах которого только и возможно плодотворное изучение того или иного языка и общего языкознания. Ведь филология в современном ее понимании является не механическим сплавом «словесных» наук, а органическим объединением лингвистического и литературного образования на основе сталинского учения о языке. В общей установке филологического исследования литературоведение должно оплодотвориться изучением языка художественных произведений, не только как явлением индивидуального стиля писателя, но и как своеобразным выражением общенародного языка.

Научные профили факультетов не могут быть тайной для поступающих в университет. Поступая в университет, абитуриент средней школы должен знать, что он будет изучать, в каком круге научного изучения он будет готовить себя к своей будущей научной, производственной или педагогической деятельности. Поступающие на математическое, механическое или астрономическое отделение механико-математического факультета знают, куда они идут и чем будут заниматься в университете, знают свой будущий научный профиль. Почему же поступающие на филологический факультет только при переходе на третий курс должны решать, кем они будут — лингвистами или литературоведами? Мы их хотим сделать филологами вообще, «словесниками», но в наше время настоящий филолог может быть только или лингвистом, или литературоведом по своему научному профилю. Почему, как это показывает практика Московского и Ленинградского университетов, студенты всячески стараются перейти с отделения логики, психологии и русского языка на отделение языка и литературы? Всегда не потому, что отделение логики и психологии не может обеспечить им в будущем штатной нагрузки преподавателя средней школы, а потому, что оно не дает им твердого профиля научной работы. Ведь поступая в университет, студент не желает быть второсортным психологом или второсортным лингвистом. Почему же мы и теперь, после выхода в свет гениальных работ товарища Сталина, осуществивших переворот в языкознании, не решаемся обратиться «во весь голос» к молодежи, ищущей настоящего университетского образования, с призывом изучать языкознание? Почему мы должны предлагать им неполное изучение языка в принудительном ассортименте с логикой и психологией или же в нерасчленном сочетании с изучением литературоведения? Нам могут возразить, что в университетах всегда была, существует и в настоящее время научная специализация и с третьего курса студенты русского отделения разбиваются на литературоведов и лингвистов. Но, во-первых, почему специализация начинается только с третьего курса и почему не делают замечать, что это в сущности не специализация, а запоздалый выбор научного профиля? Почему студенты-романисты и германисты специализируются с первого курса как будущие специалисты французского, испанского, немецкого или английского языка, а студенты-русисты могут избрать русский язык своей специальностью только на третьем курсе, после двухгодичного неопределенного состояния «студентов-словесников»? Нам скажут: такова

традиция. Но если традиция не оправдывается существом дела, от нее нужно отказаться.

Отделения факультета должны определять научный профиль студента, а связь его научного обучения с той или иной кафедрой должна устанавливать его будущую специальность. Поступая на языковедческое отделение, сознательно выбирая себе именно это отделение, определяя себя еще на пороге высшей школы как будущего филолога-лингвиста, студент-филолог языковедческого отделения уже на первом году обучения должен начать изучение того языка, который станет его будущей научной и основной педагогической специальностью.

Но, конечно, лингвисты-филологи не могут быть узкими специалистами. И каждый из них за время своего пребывания в университете должен не только слушать литературные курсы, но и участвовать в специальных семинариях по вопросам литературы, чтобы наряду со своей основной научно-исследовательской специальностью получить вторую, соответствующую ей научно-педагогическую специальность. Ведь будущий специалист по языку должен быть хорошо подготовлен и как преподаватель литературы в средней школе, и наоборот, будущий специалист по литературе должен быть подготовлен и как преподаватель языка (в том же объеме). Поэтому и литературоведы должны принимать участие в лингвистических семинариях. Такое «филологическое» пополнение своей специальности может только расширить научный кругозор и лингвистов и литературоведов.

Университеты должны готовить полноценных специалистов по языку или по литературоведению и преподавателей языка и литературы с твердой научной базой — лингвистической или литературоведческой.

Пора перестать филологическим факультетам готовить «учителей словесности» и только из излишков такой подготовки в виде некоего «дара судьбы» набирать через аспирантуру кадры научных работников. Университеты должны готовить полноценных научных специалистов-филологов на протяжении всех лет обучения.